
МОЗАИКА ВОЙНЫ

НАТАЛЬЯ ОВЧАРОВА

САМЫЙ КРАСНЫЙ МАЙ

*Памяти моей фронтовой подруги
Екатерины Петровны Дунаевой-Голубковой*

Когда зацветают сосны в бору и лес пахнет свежей травой и фиалками, пронизан золотыми стрелами верб, и сон-трава клонит свои дымчатые лепестки в осевших, засыпанных бурыми иглами окопах, когда над сизым разливом озимых хлебов занимается нежное зарево берёз, тогда ко мне на побывку приходит юность. Она мужала, моя юность, в лесах, в дыму походных костров, в полутьме землянок, вдыхала свинцовую гарь взятых с бою городов. Она любила, моя юность, верила, отчаивалась и прощала. Знала душевные взлёты и необратимую горечь потерь.

И дружбу. Ту дружбу, в которой всё по большому счёту: доверие, откровенность, сама жизнь. Иногда жизнь бывала коротка, а все же – неповторима, незабываема. Человек уходил, а образ его не тускнел в стремительном беге лет. Я помню вас, девчата нашего 497-го стрелкового полка, боевые подруги мои... Тебя, Леночка, мы звали “рыженьким кустиком”. Какой ты была маленькой и очень деловитой операционной сестрой... Катя Казакова: ты сейчас в Москве, мать двоих детей, работаешь, как и прежде, в санчасти. Помнишь, как ты вернулась из госпиталя, прихрамывая, но всё такая же озорная, смешливая... А вот Катя Дунаева... не знаю, где ты сейчас, наше “красное солнышко”. Москвичка, студентка, ты пошла на фронт медсестрой. Среднего роста, круглолицая, ты ничем не выделялась особенным в общей массе военных людей. Но мы-то знали, что ты особенная. Единственная из нас, ты носила на груди орден Боевого Красного Знамени – полученный за то, что спасла, вытащила из горящего танка раненых танкистов. И вынесла с поля боя, спасла своими крепкими молодыми руками сотни других раненых. Но одного человека ты не успела спасти, самого дорогого, самого любимого – он был убит у тебя на глазах. Мы знали, как тяжело тебе, но никто не видел твоих слёз. Горе твоё было слишком велико, чтобы его можно было оплакать слезами.

Войну мы окончили в Бреслау (ныне город Вроцлав в Польше). Тридцатого апреля 1945 года полк вышел из боёв и стал лагерем в семи километрах от города. Несколько узких длинных бараков, лента асфальта, а вокруг – свежая ровная зелень словно машинкой подстриженных полей. Война не успела искромсать их, весь удар пришёлся на город, где всё было взорвано, искорёжено, сожжено. Стены обгорелых многоэтажных домов рушились от дуновения ветра, будто сложенные из детских кубиков.

Полк вышел из боёв не без потерь. Ещё в последний день боёв гибли родные люди, наши друзья. Погиб девятнадцатилетний командир взвода Саша Пустовойтов, а его отец, с которым Саша вместе служил, был в тот последний день тяжело ранен. Известие о гибели Саши принесло нестерпимую горечь – ведь уж совсем вблизи слышались шаги наступающего мира. Так близко, что мы боялись спугнуть их.

Первое мая распахнуло над нами голубой простор чужого неба, трепет чужих деревьев на тёплом ветру. Молчат автоматы и пулемёты, не слышно воя мин и грохота бомб. Солнце, май... Свежо, зелено... Всё зелено – деревья, крыши военных барачков, мы сами в защитного цвета военном обмундировании... И вдруг!.. Все, кто был в тот момент во дворе лагеря, застыли в изумлении: по дорожке между бараками шла девушка в ярком летнем платье. Очень молодая и незнакомая. Лёгкие завитки волос вились на ветру, красиво обрамляя мягкую линию шеи и плеч. Походка её тоже была лёгкой и упругой, совсем не военной. “Ток-ток-ток”, – перестукивали по асфальту каблучки туфель. Это было чудо – увидеть в военном лагере, среди обезлюдевших чужих полей, не делопроизводителя, не телефонистку, не медсестру – просто девушку из мирной жизни. В алом шёлковом платье, в чёрных маленьких туфельках... Юную, как сама весна.

Секунду длилось молчание... вдруг кто-то крикнул: “Да это же наша сестричка, Катя! Сестра!”

Весь двор зашумел обрадованно и бестолково, а Катя шла по дорожке к нашему барачку, дробно постукивая каблучками, счастливая, разрумившаяся. Мы, девчата, столпились на крыльце и ждали: что-то будет? Ведь что-то должно было произойти, не зря надела Катя платье, которое она сама сшила в перерывах между боями. Как она решилась, ведь война ещё не кончилась... .

– Вот, – сказала она, подойдя к нам, и встала, опустив руки по швам, глядя на нас чуть смущённо и в то же время гордо. – Как, хорошо? Нигде не морщит?

Она была героиней, наша Катя, и всё-таки просто девчонкой, которой ещё не исполнилось двадцати двух лет и которой нравились красивые платья. Они действительно ей шли.

– Больше войны не будет, – сказала она, – вот увидите. Этот май – самый счастливый, самый красный на всей земле.

И улыбнулась, и заплакала. Мы тоже плакали, глядя на неё, плакали слезами счастья.

А день всё расцветал своей пронзительной голубизной, солнечностью, удивительной, немислимой тишиной.

Шёл мир. До него оставалось всего только девять дней. Только девять... .